

РЕФЕРЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ЕЕ ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: нарративная стратегия, нарративный дискурс, референтная ситуация, концептуальная структура, событие, эпизод.

Понятие нарративного дискурса базируется на двух основных постулатах: событийности референта и дискурсивной форме его представления. Производством событийного дискурса управляет нарративная стратегия, направленная в первую очередь на последовательную текстуализацию эпизодов — структурных элементов референтной ситуации. В статье исследуется концептуальный уровень производства нарратива, который является референтом макротекста и его эпизодов. Специально рассматриваются событийный и дискурсивный виды информации, образующие референтную ситуацию. Отдельный фрагмент статьи посвящён распределению событийной информации в тексте и выделению текстовых эпизодов. Во второй части на примере фрагмента текста Томаса Манна показывается, как разные тактики структурирования событийной информации определяют функциональный характер нарративного дискурса. Теоретическую базу настоящего исследования образуют взаимодополняющие положения лингвистики текста и литературоведения.

K. R. NOVOZHILOVA
St. Petersburg State University

REFERENTIAL SITUATION IN THE NARRATIVE DISCOURSE AND ITS TEXTUALIZATION

Keywords: narrative strategy, narrative discourse, referential situation, conceptual structure, event, episode.

The notion of narrative discourse is based on two major underlying premises: eventivity of the referent and discursive form of its representation. The eventive discourse production is governed by a narrative strategy targeted primarily at sequential textualization of episodes — structural elements of referential situation. The article analyzes the conceptual level of narrative production which is a referent of the macro-text and its episodes. Special attention is paid to the eventive and discursive types of information that together create a referential situation. A part of the article is devoted to the distribution of eventive information in the text and identification of textual episodes. Using a fragment of Thomas Mann's text the second part of the article demonstrates how different approaches to structuring eventive information determine the functional aspect of narrative discourse. The theoretical framework of the present study is formed by the mutually complementary principles of the text linguistics and literature studies.

Современная нарратология рассматривает различные виды нарративов, посредством которых человек осмысливает мир. Это мифы, религиозные тексты, правдивые и вымышленные истории в повседневности, а также нарративы как элементы исторических, юридических, философских и других, не только научных текстов. Что касается текстов художественных, о которых далее пойдет речь, то они являются наиболее изощренным видом нарративов, а их изучение имеет давние традиции. Они были «экспериментальной базой», на основе которой при коммуникативном повороте исследований появилась новая филологическая дисциплина — нарратология. Более того, как отмечают Й. Бройтман и Р. Харре, «для большого числа тем и проблем, поднимаемых в новом типе исследований нарратива, мир литературных текстов... несомненно останется продуктивной точкой отсчета» [3, с. 39].

На современном междисциплинарном этапе развития филологической проблематики исследования нарративного дискурса пользуются широким спектром лингвистических знаний, а также литературоведческими наблюдениями, что дополняет и подтверждает общие выводы. В настоящей работе мы руководствуемся как теоретическими основаниями литературоведческой нарративистики, так и положениями лингвистики текста, ориентированными на референциальный и коммуникативный подходы.

Понятие нарративного дискурса базируется на двух основных постулатах: событийности объекта сообщения и коммуникативной форме его представления. Говоря словами М. М. Бахтина, «перед нами два события, событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [2, с. 403–404].

Производством повествовательного текста управляет нарративная стратегия автора. Она осуществляется на уровнях: 1) сочинения истории (фабулы), 2) ее художественной разработки, называемой нарративом (сюжетом), и 3) ее (его) вербальной репрезентации. В этой условно принятой схеме порождения художественного нарратива первый уровень занимает событие, о котором рассказывается, а второй и третий — событие рассказывания: его планирование и осуществление в виде текста. Второй и третий уровни относятся к преречевому (концептуальному) и речевому этапам нарративной стратегии.

Эти уровни соотносятся друг с другом иерархически: задачи следующего уровня состоят в трансформации предыдущего. Они

имеют общее генетическое основание — событие, которое изобретается на фабульном, художественно трансформируется на сюжетном уровне и в таком виде текстуализуется. В. А. Андреева называет их фабульным, сюжетным и текстовым событиями [1, с. 69].

Пользуясь принятым различием между понятиями *объект* и *предмет*, отнесем историю (фабулу) к объекту, а нарратацию (сюжет) к предмету вербальной репрезентации, или, иначе, к ее референту.

В теории производства текста понятию фабульного события соответствует понятие его пропозиционального содержания, а понятию сюжетного события — понятие *концептуальной структуры* (konzeptuelle Struktur), пользуясь термином Кристианы фон Штуттерхайм [9, S. 5]. Концептуальная структура повествовательного текста содержит информацию о событии как о первоэлементе нарратации, т. е. его пропозициональном содержании, а также о том, как о нём будет рассказано (дискурсная информация). И тот, и другой вид информации вербализуется посредством текста.

Событийную информацию, отвечающую на вопрос: *Что произошло, с кем /чем, когда и где?* — образуют элементарные понятийные категории (Konzeptdomaenen, по Штуттерхайм), образующие константные параметры события, которые обозначают: 1) актантов (преддицируемых субъектов и объектов действия), 2) само событие (предикат, обозначающий действие, процесс, состояние), 3) место и 4) время происходящего события [9, S. 57]. Эти концептуальные категории событийного дискурса манифестируются в тексте и являются вербальными маркерами события.

Нетрудно заметить, что в литературоведческой традиции анализа повествовательного текста эти семантические категории соответствуют на макроуровне персонажу, происшествию (перипетии), месту и времени (хронотопу) происшествия.

Дискурсная информация формируется на концептуальном уровне. Автор принимает решение, как распределить событийную информацию на пространстве текста и в какой последовательности ее представить, определяет степень ее детализации и экспликации, необходимость комментариев и уточнений, а также решает другие задачи структурирования событийной информации, которые предопределяют ее текстовую манифестацию.

Из сказанного очевидно, что литературоведческий и лингвистический взгляды на производство нарративного дискурса и их

понятийные категории не обнаруживают противоречий. Обе дисциплины оперируют понятием события, имея в виду концепт, обозначающий изменение состояния и отвечающий на вопросы: *Что произошло, с кем/чем, когда и где?*, а также признают разный масштаб этого концепта в макро- и микротексте и аналогию в его содержательных категориях. Однако, как известно, литературоведческий аспект анализа нарратива сосредоточивается на осуществлении нарративной стратегии на уровнях фабулы и сюжета, лингвистический же изучает языковую манифестацию сюжетного события.

Поэтика повествовательного текста рассматривает фабульное событие, образующее первооснову целого текста (макрособытие), которое при сюжетных трансформациях приобретает вид иерархической последовательности более частных событий, образующих эпизоды. Эпизодами поэтика называет «участки текста, отличающиеся друг от друга местом, временем действия и составом участников» [4, с. 151] и считает эпизод единицей литературного повествования — сюжета. Чередование эпизодов, по мнению Поля Рикёра, является родовым признаком нарратива [5, с. 186]. Поэтому проблема эпизода — его вычленение, содержательная структура, связь с соседними и дальними эпизодами — в свете художественного построения сюжета и его анализа является важной проблемой поэтики повествования.

Что касается лингвистического подхода к повествовательному тексту (результату применения нарративной стратегии), то он осуществляется, в частности, для того, чтобы определить вербальные тактики дискурсии события в эпизоде и определить его специфику, которая, согласно мысли В.И. Тюпы, «определяется архитектурной референтной структурой события» [6, с. 8].

Выбор эпизода как объекта лингвистического анализа требует прежде всего того, чтобы сосредоточиться на его референтной структуре и ее основных категориях — актантах, времени и месте действия — и определить вербальные тактики их манифестации. Эпизод, взятый как текстовое событие, представлен различными элементами текстовой структуры (размером от слова до микротекста), которые вербализуют эти семантические категории референта. Что касается элементов текста, в которых осуществляется вербализация эпизода, то мы будем их в дальнейшем называть *ситуациями*, избегая тем самым считать на равных основаниях и динамические, и статические элементы повествования событиями.

ями, как это можно увидеть, например, в книге *Einführung in die Erzähltheorie* [8, S. 112]. В этом мы следуем за многими лингвистами, в том числе и за Михаелем Хервегом, который считал ситуацию гиперонимом (*Overbegriff*), обозначающим события (*Ereignisse*), состояния (*Zustände*), и процессы (*Prozesse*). Итак, ситуации — это не элементы события, а элементы рассказа о нем. В ситуациях как единицах текста сообщается о различных сторонах события: этапах и обстоятельствах его развития, особенностях его участников, состояниях и положениях вещей. Являясь художественно мотивированными звеньями повествования, ситуации оформляются различными способами речевого сообщения и их комбинацией.

В дальнейшем мы собираемся проследить на примере эпизода новеллы Т. Манна «Тристан», каким образом может быть представлена в нарративном дискурсе (нарративе) событийная ситуация эпизода — референта нарратива, как используемые вербальные тактики создают специфический речевой образ референта и влияют на его смыслообразование.

Для иллюстрации того, как решаются эти задачи, выбран эпизод, выполняющий в целом нарративе роль завязки действия — прибытие в санаторий главного персонажа событий — госпожи Клотерьян. Ему предпослано вступление, в котором описывается санаторий и его обитатели.

Выбранный эпизод представляет собой уникальное событие в его развитии, в котором участвуют персонажи, находящиеся в определенном месте (санаторий «Эйнфрид») и в определенное время (начало января). Кроме уникальности, статус события обеспечивается также ролью этого эпизода в целом дискурсе, сообщаемой ему свойства релевантности (важности) и консеквентности (влияние на другие эпизоды).

Для определения глубинной (семантической, концептуальной) структуры как эпизода в целом, так и составляющих его контекстных ситуаций воспользуемся понятием пропозиции, а также методом выведения макропозиций ван Дейка, который состоит в том, чтобы посредством парафрастической редукции вывести из пропозиций, лежащих в основе поверхностной структуры текста, пропозиции более высокого уровня — макропропозиции.

* Текст эпизода здесь полностью не приводится ввиду его известности и доступности, а также в целях сокращения объема статьи.

Глубинная структура эпизода завязки может быть представлена в виде макропропозиции — приезд в санаторий супругов Клотерьян. Это пропозициональное содержание может быть не только выведено из микропропозиций, но и формулируется в тексте первого абзаца: «Anfang Januar brachte Großkaufmann Klötterjahn... seine Gattin nach Einfried...» [7, S. 61]. В так называемой «бриллиантовой схеме» Лабова — Валецки, представляющей собой инвариантную структуру события, такие суммирующие элементы называются резюме (*summary*) [8, S. 162–163].

Фабульная информация анализируемого эпизода состоит из этапов события, которые образуют узнаваемую стандартную ситуацию (фрейм), состоящую из приема персоналом санатория, доставки багажа и поселения в апартаментах санатория. Сюжетная информация как концептуальный коррелят текстового эпизода включает в себя, во-первых, представление основных категорий события (действий, актантов, хронотопа) и, во-вторых, распределение информации об этих категориях, учитывая полноту и порядок ее представления. Вербальная манифестация этой информации занимает девять абзацев разной длины. Объем и распределение информации об этих референтных категориях на текстовом пространстве выполняют смыслообразующую и стилеобразующую функции.

В целях экономии места мы сосредоточимся на главном персонаже — Габриеле Клотерьян, полноте и распределению информации о ней в тексте, что имеет смысловую целесообразность. Подтверждением того, что это главный персонаж, является количество сведений о ней, занимающих, соответственно, основное место в текстовом пространстве — самый длинный абзац, содержащий описание персонажа, а также ее присутствие почти в каждой повествуемой ситуации, хотя и всегда в пассивной роли. Кроме того, в отличие от других персонажей она называется не одним именем, а несколькими кореферентными именами: *seine Gattin, Frau, junge Frau, neue Patientin, Gabriele*. Ее пассивная роль в событии подтверждается языковой семантикой пациенса в высказываниях с предикатами *bringen, (an der Luftröhre) leiden*, получателя в высказываниях с предикатами *sagen, behilflich sein*, адресата в обращенной к ней прямой речи мужа. Ее активные действия в ситуации описываются всего тремя предикатами: *sprechen, lächeln* и *hüsteln*. Таким образом, мы видим, как языковые элементы, репрезентирующие категорию

актанта, выполняют смыслообразующую функцию. С одной стороны, они участвуют в образовании семантики, характеризующей объект повествования — персонажа, а с другой — обнаруживают намерения субъекта повествования отдать этому персонажу главную роль в эпизоде.

Аналогичным образом можно проследить распределение и языковое представление в эпизоде информации о месте и времени событий или о второстепенных персонажах, обращая внимание на их детальное или обобщенное, эксплицитное или имплицитное, прямое или косвенное изображение.

Второй аспект нашего рассмотрения касается тех же задач, но только в отдельных ситуациях текста, которые репрезентируют эпизод. Возьмем ситуацию, представляющую эпизод того же текста новеллы, которая совпадает с первым абзацем:

Anfang Januar brachte Großkaufmann Klöterjahn — in Firma A. C. Klöterjahn & Comp. — seine Gattin nach Einfried; der Portier rührte die Glocke, und Fräulein von Osterloh begrüßte die weither gereisten Herrschaften im Empfangszimmer zu ebener Erde, das, wie beinahe das ganze vornehme alte Haus, in wunderbar reinem Empirestil eingerichtet war. Gleich darauf erschien auch Doktor Leander; er verbeugte sich, und es entspann sich eine erste, für beide Teile orientierende Konversation [7, S. 61].

Первое предложение, как уже говорилось, формулирует основное событие, образующее завязку действия новеллы. Вся ситуация, состоящая из нескольких событий, передает прием супругов Клотерьян персоналом санатория. Ситуация включает пять пропозиций, которые различаются актантами и определяющими их предикатами:

(1) *Klöterjahn brachte seine Gattin nach Einfried*; (2) *der Portier rührte die Glocke*; (3) *Fräulein von Osterloh begrüßte die Herrschaften*; (4) *Doktor Leander erschien und verbeugte sich*; (5) *Eine Konversation entspann sich*.

Временная характеристика, которая манифестируется темпоральным маркером *Anfang Januar*, относится не только к ситуации первого абзаца, но и распространяется на хронологию многих последующих текстовых ситуаций. Временная же рамка именно этой ситуации образуется логически обоснованной последовательностью событий. Временная последовательность первых трех событий создается их перечислением, которое отвечает логике развития

ситуации. Хронологическая связь четвертого события с предыдущим маркируется обстоятельством *gleich darauf*, которое одновременно обозначает скоротечность эпизода. Последнее событие, объединяет всех актантов одним общим действием — беседой (*Konversation*).

Локальная рамка задана обозначением места (*Empfangszimmer*), в котором происходят события. Она отграничивает комплексное событие от события, вербализованного в следующем абзаце, который открывается обозначением нового места действия: *Draußen lag der winterliche Garten*. Следует еще раз отметить, что пять элементарных событий объединяются в общую событийную ситуацию не только благодаря общему месту и времени действия, но и благодаря когнитивно мотивированному сценарию ситуации, интегрирующему последовательность событий в единое, целостное семантическое образование — художественный образ события.

Функция ситуации — обобщение событий завязки, потому что следующие эпизоды, ее образующие, развивают детали событий этого эпизода по линии от общего к частному. Эта ситуация представляет событие с обозначением его элементарных пропозиций, объединенных единым местом и временем действия.

Тактику вербализации этой событийной ситуации можно назвать лаконичной. Первые три пропозиции формулируются одним сложным предложением, сочиненные элементы которого, соответствующие каждой из пропозиций, либо не распространены, либо распространены незначительно. Зато номинация места действия в третьем из сочиненных элементарных предложений сопровождается комментирующим авторским описанием в форме придаточного определительного. Общим свойством описания в связи с его комментирующей функцией в тексте является его подчиненность событийным элементам, а в данном случае и в связи с манифестацией посредством синтаксического подчинения. Таким образом, поскольку в данной контекстной ситуации доминируют событийные элементы, она может считаться акциональной, а ее дескриптивные элементы — комментирующими.

В зависимости от доминантного положения акциональных или комментирующих элементов могут быть определены и другие ситуации этого эпизода. Это наблюдение, по нашему мнению, дает основание для того, чтобы классифицировать контекстные ситуации нарратива вообще и различать акциональные ситуации, кото-

рые относятся к «событию, о котором рассказано», и комментирующие (не только дескриптивные), которые относятся к «событию самого рассказывания» [2, с. 403]. Хотя их отношение к нарративу имеет разные основания, и акциональные, и комментирующие ситуации являются вербальной стороной нарративной стратегии дискурса.

Литература

1. Андреева, В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. литература, 1975. 504 с.
3. Бройтман, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–52.
4. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд. Кулагиной, Интрада, 2008. 360 с.
5. Рикёр, П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 1. М.; СПб.: Культурная инициатива. Университетская книга, 2000. 313 с.
6. Тюпа, В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. 2002. С. 5–31.
7. Mann, Th. Der Tod in Venedig. Erzählungen. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1989. 430 S.
8. Martinez, M., Scheffel, M. Einführung in die Erzähltheorie. 9. erweiterte und aktualisierte Aufl. München: Verlag C. H. Beck. 2012. 222 S.
9. Stutterheim, Ch. von. Einige Prinzipien des Textaufbaus. Empirische Untersuchungen zur Produktion mündlicher Texte. Tübingen: Niemeyer, 1997. 375 S.

References

1. Andreeva, V. A. *Literaturnyi narrativ: tekst i diskurs* [*The literary Narrative: Text and Discourse*]. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 183 p. (In Russian)
2. Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [*The Questions of Literature and Aesthetics. Research of different years*]. Moscow, Khud. literatura, 1975. 504 p. (In Russian)
3. Broitman, I., Kharre, R. *Narrativ: problemy i obeshchaniia odnoi al'ternativnoi paradigmy* [*The Narrative: Problems and Promises of an alternative Paradigm*]. *Voprosy filosofii*, 2000, no. 3, pp. 29–52. (In Russian)
4. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [*Poetics. The Dictionary of actual Terms and Notions*]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008. 360 p. (In Russian)

5. Riker, P. *Vremia i rasskaz: v 2 t. T. 1* [*Time and Narrative: in 2 vol. Vol. 1*]. Moscow, St. Petersburg, Kul'turnaia initsiativa. Universitetskaja kniga, 2000. 313 p. (In Russian)
6. Tiupa, V.I. Oчерк sovremennoi narratologii [Essay of the modern Narratology]. *Kritika i semiotika*, issue 5, 2002, pp.5–31. (In Russian)
7. Mann, Th. *Der Tod in Venedig. Erzählungen*. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1989. 430 S.
8. Martinez, M., Scheffel, M. *Einführung in die Erzähltheorie. 9. erweit. und aktualisierte Aufl.* München, Verlag C. H. Beck, 2012. 222 S.
9. Stutterheim, Chr. von. *Einige Prinzipien des Textaufbaus. Empirische Untersuchungen zur Produktion mündlicher Texte*. Tübingen, Niemeyer, 1997. 375 S.

Новожилова Ксения Ростиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Novozhilova Kseniia Rostislavovna

Associate Professor of German Philological Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: nowojilowa.xenya@yandex.ru